
БРЕСТСКИЙ МИР 1918 Г. В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ И АРМЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ГАЯНЭ МАХМУРЯН

Подписанный 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске мирный договор между Советской Россией и странами Четверного блока стал очередным документом начала XX в., нацеленным на определение судьбы армян без участия самих армян. Подобно соглашению Сайкса-Пико 1916 г. и Ерзнкайскому перемирию 1917 г., он затрагивал жизненно важные вопросы, пытался регулировать ситуацию для оказавшегося в смертельной опасности народа.

Революционная ситуация в России привела к развалу Кавказского фронта, и чтобы упорядочить положение, чреватое крупномасштабным турецким наступлением, советское правительство попыталось заранее оговорить минимум своих территориальных потерь. Оценка договора в армянской историографии делится на два резко партийных лагеря. Одни из исследователей утверждают, что армянам или закавказской власти в целом следовало как можно быстрее признавать этот документ. Другие же настаивают, что непризнание мира подчеркивает его нелегитимный и насильственный характер, а значит, пусть и неимоверно тяжелой ценой, отстаивает исторические и политические права армянского народа.

По-разному оценивали договор и в Антанте: французы сразу составили ноту, требуя осудить сепаратную сделку; президент США В. Вильсон прислал специальное обращение к III съезду Советов России, а британское правительство и его МИД заняли промежуточную позицию. Так, уже 8 марта 1918 г. посол Франции в США Ж. Жуссеран передал замещавшему госсекретаря Ф. Полку ноту с требованием французского кабинета немедленно обнародовать совместный протест союзников. 12 марта Ф. Полк ответил, что «вследствие нынешних быстро изменяющихся и неопределенных условий в России, правительство Соединенных Штатов... предпочло бы пока что воздержаться от совместной публикации предложенного заявления»¹. Ф. Полк опирался на январское (1918 г.) послание президента к Конгрессу, в котором глава администрации одобрил советское обращение к врагу с просьбой о мире². Чуть позже, в речи в нью-йоркской Метрополитен-опера от 18 мая того же года, президент оценил брестское соглашение как германскую попытку добиться «свободы рук, особенно на Востоке, ради осуществления завоевательских и эксплуататорских целей»³.

---

¹ United States National Archives, Washington D. C., Record Group 59 General Records of the Department of State, class 861.00/document 1676 (далее – US NA, RG).

² D. F o l e s o n g . America's Secret War Against Bolshevism: U. S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill & London, 1995, p. 24.

³ Там же, с. 47.

При этом американские дипломаты не просто оправдывали переговоры, но и верно оценивали малые возможности Брестского договора по сдерживанию османской экспансии. На следующий день после подписания, посланник США в Стокгольме А. Моррис пересказал телеграмму секретаря советской делегации Л. Карахана, отосланную из Брест-Литовска в Петроград, о том, что только 21 февраля 1918 г. усилиями германской делегации к советским потерям добавили Ардаган, Карс и Батум. Дипломат правильно спрогнозировал дальнейшее развитие событий и доложил госсекретарю Р. Лансингу: «Карс стратегически важен как заградительная крепость в горах, однако Батум – крайне ценная местность для Турции, поскольку туда идут трубопроводы из огромного нефтяного центра Баку на Каспийском море. Огромная нефтяная торговля Баку попадет под турецкий контроль»⁴.

Похожие мнения прозвучали из Лондона. 28 декабря 1917 г. МИД вручил американскому послу в Великобритании У. Пейджу секретный меморандум от 22 декабря, одобренный премьер-министром Франции Ж. Клемансо. Согласовав позиции, англичане решили не осуждать «вероломное вступление русских в переговоры с врагами», но констатировали: при резком сокращении фронтовых частей большевики «скоро останутся, а может быть уже оставлены на милость германского кайзера. ...Сейчас уже наверное слишком поздно что-либо делать для спасения армейских кадров»⁵. Вследствие этого, британцы назвали себя обязанными «по возможности защитить остатки армян, не только, чтобы обезопасить фланг [своих] месопотамских войск в Персии и Кавказ, но и в силу того, что армянский союз, если он возможен с автономным или независимым грузинским государством, являлся единственным барьером против развития туранского движения, которое... обеспечит Германию морским портом [Батум], что еще более опасно, ...чем контроль над Багдадской железной дорогой»⁶.

18 марта 1918 г. лондонское заседание союзнических премьер-министров и министров иностранных дел опубликовало заявление «о политических преступлениях, которые под личиной германского мира были осуществлены против русского народа». Нарушив перемирие, германская армия доставила новые части и перешла в атаку, а «те самые русские, которые сделали военные операции невозможными, обнаружили дипломатию бессильной». Их представители подписали договор, «не зная, принесет ли он, по своему истинному смыслу, мир или войну». Премьер-министры предлагали не заблуждаться на этот счет, назвав своего главного противника «циничным разрушителем независимости и непримиримым врагом... достоинства цивилизованных наций». Поэтому союзники «не могли, и не признавали подобные договоры»⁷, а будущее наций, чья судьба висела на волоске, несомненно определялось боеспособностью армий.

⁴ US NA, RG 59, 763.72119/1430.

⁵ Там же, 861.00/3478.

⁶ Там же.

⁷ Там же, 59, 763.72119/15T2/Encl. Официальный текст опубликован в – Proceedings of the Brest-Litovsk Peace Conference. The Peace Negotiations Between Russia and the Central Powers, 21 November, 1917 – 3 March, 1918, ch. «The Russian “Peace”». Wash., 1918, pp. 177 – 178.

В свою очередь, американский посол в России Д. Френсис в заявлении для прессы об отношении его правительства к Брестскому миру, сделанном 16 марта 1918 г. в Вологде, заявил, что не покинет свой пост, пока его не принудят к данному шагу. Посол защищал территориальное единство новой республики, обещая немедленную поддержку со стороны США любой местной власти, готовой организованно сопротивляться германскому вторжению: «Если смелый и патриотичный русский народ приостановит на время свои политические разногласия и станет решительным, твердым и единым, то он сможет изгнать противника из своих рубежей и обеспечить до конца 1918 года прочный мир для себя и для мира»⁸.

Революционные силы России тоже разделились на требовавших мира ленинцев и непризнававших его левых эсеров, а сами большевики – на лагеря В. Ленина и «левых коммунистов» Н. Бухарина – Ф. Дзержинского в союзе с Л. Троцким. Но есть и еще одна точка зрения, которую подтвердили сами большевики, когда 20 сентября 1918 г. дезавуировали подписанный ими документ. В чем ее суть? Сторонники признания настаивают, что уступчивость армян должна была остановить турецкое войско и свести к минимуму территориальные потери. Между тем, в инструкции военного министра Энвера командующему Восточной армией Вехибу-паше от 14 января 1918 г. отмечалось, что самое уязвимое Кавказское направление открывает дорогу к нефти Баку и созданию отдельного Кавказского государства. 27 февраля инструкцию дополнило его же секретное предписание о поголовном уничтожении армян во всем крае. Эту логику верно уловил и отразил американский посланник А. Моррис в приведенном выше документе.

Ереванская губерния, Тифлис и Баку не входили в зону брестских уступок, а сам договор позволял османской армии занять Ардаганский, Карсский и Батумский округа без ожесточенного сопротивления на местах. При этом, *требовавшийся Турцией сектор вообще нельзя было занять сухопутным наступлением*, ведь он не соприкасался с Османской империей. Туда можно было попасть только морем, из Батума в Ардаганский округ и далее в Карс. Следовательно, *договор был нарушен уже 26 марта*, когда Энвер отдавал приказ пересечь русско-турецкую границу, безотносительно к тому, как проводились референдумы и обращались с населением данного региона. В отличие от основного, коллективного договора, дополнительный русско-турецкий договор от 3 марта 1918 г. упоминал русско-турецкую границу 1877 г.⁹, но он все равно говорит о санджаках (округах), а не о вилайетах. В ином случае, упоминание Ардагана излишне, поскольку он не был отдельным вилайетом или областью. Так что незаконная сухопутная атака приводила к дополнительной потере Олтинского, Арвинского и Кагызванского округов. Далее: ст. 4 коллективного договора оговаривала право местных жителей на новую государственно-правовую организацию, при обязательном согласии соседних государств, в особенности Турции. В дополнительном соглашении ничего похожего нет.

⁸ US NA, RG 59, 763.72119/1805/encl. 1.

⁹ Цитируется по: US NA, RG 59, 763.72119/1626; ср.: Документы внешней политики СССР, т. 1, 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 г. М., 1959, с. 199–204.

В сложившейся ситуации, действенную самооборону не удавалось организовать ни в Западной Армении, ни в передаваемых туркам областях¹⁰. Уже 25–26 апреля, после сдачи Карса, то есть фактического выполнения Закавказьем брестских условий, АРФД сняла кандидатуру О. Качазнуни на пост председателя правительства Закавказской демократической федеративной республики, чтобы избежать дальнейшего османского наступления¹¹. 28 апреля делегация Армянского национального совета в Берлине, в лице А. Джамаляна, Г. Мелик-Карагезяна и Л. Назарянца направила меморандум в МИД Германии о несостоятельности брестских обязательств и намерении турок захватить весь Кавказ¹².

В итоге, после бегства растерзанного геноцидом мирного населения и уступчивости армяно-грузинских сил на Кавказском фронте, к 11 мая, после оккупации двух областей вместо трех входивших в них округов, точно выяснилось, что османская сторона выполняет только те соглашения, которые ее противник может проконтролировать. Конечно, речь о правах населения, реализуемых лишь после окончания войны и неподкрепленных силой, создавала дополнительную угрозу для армян, а турецкий военный поход превращался в истребление неугодного народа. И поскольку общая ситуация была катастрофой, невозможно сказать, что лучше – упоминание каких-либо прав, или их отсутствие. В этой капитуляции советской стороны оба варианта были плохими. Ведь без надлежащего противовеса, повод для наступления османских частей всегда находили.

Так было с нотой Вехиба-паши от 12 февраля 1918 г., в которой обвинялся руководитель обороны Ерзнки Себасти Мурад и разоренные западноармянские беженцы, а османская армия наступала на город древних армянских богов «во имя гуманности и цивилизации»¹³. Так было и летом, когда недовольные турецким походом на Ереван и Баку большевики заключили 27 августа 1918 г. в Берлине добавочный советско-германский договор, действовавший как секретное приложение к Брестскому миру¹⁴.

¹⁰ Об этом говорил О. Туманян на заседании Армянского национального совета от 12 апреля 1918 г., а затем Т. Бекзаян и А. Бабалян – на заседании 25 апреля. Об этом же свидетельствуют апрельские и майские донесения командующего Армянским корпусом Т. Назарбекяна. – Национальный архив Армении (далее – НАА), ф. 222, оп. 1, д. 141, л. 174, 181–182; ф. 200, оп. 1, д. 21, л. 9–10, 24–25, 58–84; *Ա. Հ ա ղ ը լ թ յ ը ն ի ն յ ի ն . Թ ու ռ թ ա լ ի ի ն ի ն տ եր վ է ն ճ ի ա ն Ա ն դ ը ղ ու լ յ ա ս 1918 թ. և ի ն ը ն ա ս շ ա շ տ յ ա ն ա լ յ ա ն կ ը ի վ ն եր ը, Երևան, 1984, էջ 132, 145:*

¹¹ R. H o v a n n i s i a n . Armenia on the Road to Independence. 1918. Los Angeles and London, 1967, pp. 167, 244. О сдаче Карса см.: Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913–1919). Материалы Политархива МИД кайзеровской Германии. Сб. сост. В. Микаелян (далее – Армянский вопрос и геноцид армян). Ереван, 1995, с. 513.

¹² Армянский вопрос и геноцид армян , с. 485–486.

¹³ А. П о г о с я н . Карсская область в составе России. Ереван, 1983, с. 200.

¹⁴ Proceedings of the Brest-Litovsk..., pp. 179–189; Документы внешней политики СССР , с. 437–445; договор упомянут в J. W. W h e e l e r - B e n n e t t . Brest-Litovsk: The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 433; R. H o v a n n i s i a n . Указ. раб., с. 222 – 224; Советско - германские отношения от переговоров в Брест - Литовске

Сама по себе сдача закавказским Сеймом огромных территорий *до* подписания договора была губительным и преступным явлением в дипломатии. Оказавшись в рамках ложного союза, армянское население отступало до тех пор, пока два иных партнера не объявили о собственной независимости. И это одиночество *де факто*¹⁸ вынудило армян к самостоятельным действиям, к необходимости сражаться в 43 км. от Еревана – под невходившим в зону брестских уступок Сардарapatом.

Только отчаянное, ожесточенное и успешное сопротивление под Сардарapatом ограничило и сменило направление турецкого военного похода. Других средств для спасения Еревана и остатков Восточной Армении у нас не было. Надежды на то, что османская армия, подписав мирный договор не с армянами, а с Советской Россией, будет его уважать перед своим партнером – оказались несостоятельными.

1-й Кавказский армейский корпус К. Карабекира завоевывал все, что было возможно, используя Брестский мир как прикрытие. Все османские переговоры в Закавказье об отделении края от России были успешным дипломатическим маневром, они легитимизировали Брестский мир и создавали почву для еще более тяжелого Батумского договора. Армянские надежды на краевое единство, как и на армяно-грузинское сотрудничество, не оправдались. Более того, они привели к потере 25 апреля 1918 г. Карса,¹⁹ после чего, 11 мая – в первый день Батумской конференции – руководитель османской делегации министр юстиции Халил-бей Ментеше, во второй раз от имени своей империи, открыто и официально отказался от брестских обязательств,²⁰ потребовав для Турции части Тифлисской, Кутаисской и Ереванской губерний с Тифлисом, Александрополем, Эчмиадзином и железной дорогой Карс–Александрополь–Джужульфа. Через четыре дня Александрополь был оккупирован. С этого момента надежды армян на действенность Брестского соглашения исчерпались.

Заметим, американский консул в Тифлисе Ф. В. Смит сомневался в отосланной 12 февраля 1918 г. телеграмме на имя государственного секретаря, в том, чтобы закавказский Комиссариат смог противостоять турецким тре-

---

¹⁸ Госсекретарь США Р. Лансинг телеграфировал 3 апреля 1918 г. в Лондон: «Оборона фронта целиком зависит от армян. Без немедленной финансовой помощи и надежд на будущую британскую военную поддержку, турки могут оккупировать столько кавказской территории, сколько пожелают. Если не будут приняты самые срочные меры, такая оккупация и резня армян в течение двух месяцев практически несомненны» (US NA, RG 59, 763.72/9295); см. также: R. H o v a n n i s i a n . Указ. раб., с. 244).

¹⁹ На заседании Армянского национального совета от 12 апреля 1918 г. его председатель А. Агаронян, А. Манукян, О. Туманян, С. Хачатрян, А. Ерзнкян говорили о дальнейшей турецкой агрессии под любым предлогом. На заседании 18 апреля Лео отметил, что в Закавказье нет общих политических интересов, и Сейм сдает Карс с Ардаганом, чтобы сохранить Батум. 25 апреля Р. Тер-Минасян и С. Мамиконян предложили объединиться с большевиками, а в АНС приняли решение собрать и обнародовать все документы о сдаче крепости (НАА, ф. 222, оп. 1, д. 141, л. 174 об. – 176, 178 об. – 181, 182, 183, об.; см. также л. 190).

²⁰ Е. С а р к и с я н . Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. Ереван, 1962, с. 359, 369; R. H o v a n n i s i a n . Указ. раб., с. 173.

бованиям подписать сепаратное соглашение²¹, а генеральный консул М. Саммерс отметил несоблюдение Брестского мира уже 27 апреля, в телеграмме Р. Лансину, сообщая о продвижении турецкой армии на Кутаиси, на пути в Тифлис, ради «полного контроля над железной дорогой на Баку, на пути в Туркестан»²².

Спротивляемость как определяющее в армяно-турецких отношениях 1918 г. получила свое признание и в академической 8-томной «Истории армянского народа». Как там отмечено, Турция могла уступить попыткам уменьшить брест-литовские потери, только убедившись, что краевой Сейм «при необходимости способен силой принудить ее принять [выдвинутые им] условия», однако у последнего «не было подобной силы»²³. При этом, у армянской стороны не было и реальных возможностей для военного сотрудничества с Советской Россией. Ведь новая центральная власть, от которой Армению отделяли Грузия и Добровольческая армия А. Деникина, осуществляла прямо противоположную политику вывода российских полков с Кавказского фронта и трансформации внешней мировой войны во внутреннюю – гражданскую. Долговременное ослабление центральной власти привело к уходу России в 1917–1920 гг. из освобожденных ею провинций Западной Армении и Закавказья. Это потребовало самостоятельных действий в условиях смертельно опасного и истребительного внешнего вторжения. Такого же вторжения, какое опустошило в 1915 г. армянские земли Османской империи, наполнив Восточную Армению беженцами, голодом и новыми бедами.

Политическая сложность, как и идеологическая значимость 1917–1918 гг. создали широкую палитру оценок Брестского мирного договора в армянской историографии, которая представлена как изданиями советского времени, так и публикациями действующих сейчас специалистов-армян, работающих в Москве, Санкт-Петербурге, Париже, Лос-Анджелесе. Понятно, что историография советского времени очень партийна и канонизирована. По мере возможного, сосредоточимся на историко-политологических оценках, оставляя в стороне обязательные шаблоны и оправдательный уклон в работах действовавших до нас авторов.

В Армении тема Брестского мира отражена в работах А. Эльчибекяна, Г. Галояна, Е. Саркисяна, А. Арутюняна, Дж. Киракосяна, А. Погосяна. В Москве издал монографию А. Чубарьян. Далее следуют исследования периода независимости: Г. Аветисяна, Т. Саакяна, изданная в Санкт-Петербурге диссертация Н. Есаян. И, конечно, монография американского академика НАН РА Р. Ованнисяна, а затем статья А. Енгояна. Но первый, основополагающий анализ сделан уже в мае 1918 г. в статьях Н. Адонца «Армянский вопрос и германские планы», а также «Турецкая нота и Турецкая Армения». Они содержат нелицеприятные и серьезные оценки позорного, трагического и бессильного договора, а также действий европейских держав, включая Советскую Россию, в их

²¹ US NA, RG 59, 763.72/8861.

²² Там же, 861.00/1810.

²³ Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. VII, Երևան, 1967, էջ 35:

отношениях с Турцией и армянским народом, исходя из реалий Армянского нагорья и Закавказья²⁴.

Прежде чем обратиться к аспекту историографии, необходимо уделить небольшое место теоретическим вопросам, связанным с пониманием, а следовательно и с оценками Брестского мира. Ведь история не сводима к набору множества разных мнений, и в ней, несмотря на все сложности, присущие гуманитарным дисциплинам, тоже существует понятие точности и истины. Труды современных исследователей выделенной нами темы и исторического периода насыщены методологическими наблюдениями, которые не следует игнорировать.

Во-первых, мы имеем дело с идеологическим договором и идеологической политикой – самой кровавой и затратной из всех возможных. Его заключали не для того, чтобы уменьшить потери и спасти население, а для спасения Октябрьской революции. Для упрочения своей власти внутри страны большевикам требовалось время. Но это же время разрушало боеспособность армии на фронте, увеличивая объем необходимых территориальных уступок.

Чтобы прийти к власти, большевикам требовалось лидерство, и они взялись подписать мир и передать землю крестьянам. Тем не менее, приоритет в аграрном вопросе принадлежал эсерам. Значит, оставалось прекращение мировой войны, причем так, чтобы у общества не возникло мнения о расплате с Германией за поддержку при возвращении в Россию и захвате власти. Все споры в Брест-Литовске нужны были не для достижения минимальных уступок, а для пропаганды и обеспечения своего образа борцов с германским империализмом.

Второе: все действия большевистских дипломатов диктовались не конкретной, имевшейся на местах ситуацией, а запрограммированным сверху учением о диктатуре пролетариата. Между тем, лозунг диктатуры сильно сужал социальную базу их движения, тем более в крестьянской стране. Затем, марксистское понимание диктатуры пролетариата делает ее возможной только в условиях мировой революции. Значит, для достижения своей цели нужно было попытаться управлять не собственными, а зарубежными трудящимися. Причем, в условиях их материальной нужды. Ведь при благополучном и многочисленном среднем классе пролетариат перестает доминировать численно и социально, следовательно нужно заботиться об интересах и других слоев, уменьшая стремления к диктатуре как неограниченной власти.

Итак, Брестский мир был обменом пространства на время. Он не был классическим международным договором по защите национально-территориальных интересов. В революции как сломе общественных устоев часто полностью меняются ориентиры: бывший военный противник становится партнером, а союзники, будь то Антанта или прежние соратники по революции эсеры – врагами. В этом плане характерно, что русскую буржуазию как адресат всех принесенных февралем 1917 г. изменений, после октября сразу объявили врагом революции,

---

²⁴ Н. А д о н ц. Армянский вопрос и германские планы. – «Вестник общественных наук» НАН РА, 1993, № 1, с. 139, 142; о н ж е. Турецкая нота и Турецкая Армения. – Там же, 1990, № 4, с. 73, 75.

ведь для того чтобы уничтожить насущные изменения, их нужно было довести до максимума и противоположности. Еще характернее, что Турция ни в коем случае не соглашалась оказаться в одном лагере с Россией, и когда советская власть перешла к партнерству с Германией, младотурки сразу потянулись к Антанте, начав искать контакты со своим противником – англичанами, для их усиления в регионе.

В такой ситуации объявление мира служит не делу мира, а превращению внешних военных действий во внутренние – то есть в гражданскую войну. Начиная с 1915 г., с Циммервальдской конференции, В. Ленин прямо говорил, что солдаты царской армии нужны его партии для гражданской войны. Им только обещали мир, прекрасно зная о кровавости дальнейших событий. Да и декрет о земле не только не дал им впоследствии земли, а согнал, по новой логике, в колхозы.

Реальная революционная борьба за власть требовала действий, прямо противоположных основным провозглашенным лозунгам. А чем больше заранее сконструированной идеологии в политике, тем дольше и кровавей ее осуществление. И тут мы имеем дело с еще одним, крупнейшим пропагандистским провалом. Это относится к лозунгу самоопределения народов. Дело в том, что любые идеологии предназначены прежде всего для экспорта собственного влияния, чтобы получить в зарубежье дивиденды и ослабить своих конкурентов. Декрет о «Турецкой Армении» от 29 декабря 1917 г. на словах говорил о праве западных армян на самоопределение вплоть до создания собственного государства. Он предусматривал создание милиции, вместо немедленно уводимой русской армии. На деле, самоопределение без гарантий и механизмов осуществления означало уничтожение людей и создавало смертельную угрозу даже Восточной Армении. Жизнь и теория кардинально не совпадали.

Понятно, что большевики надеялись на движение народов Западной Европы. Они выводили войска на Востоке, чтобы их противник покинул приоритетные для них западные владения Российской империи: Польшу, Прибалтику, Украину, чтобы помочь распаду многонациональной Австро-Венгрии. Но идеи направили против них самих, заставив признать самоопределение на приоритетном для России европейском направлении, и отбросив его самым жестоким образом в Западной и Восточной Армении. Причем тут вывод войск не сопровождался, в отличие от активности младотурецких лидеров, адекватной организационной работой новой власти. Брестские переговоры и соглашение об отступлении к границе 1877 г. осуществлялись без привлечения армянских советов, имевшихся даже в Петрограде.

Российская история XIX–XX вв. содержит целый ряд обменов военных успехов Восточной политики на призрачные выгоды сближения с приоритетным Западом. На деле же, социально-технологическое превосходство и слаженное военно-политическое сотрудничество европейских держав сводит на нет ожидаемые Россией выгоды, резко сокращая ее восточные достижения. В этом плане, очень важна самостоятельность Восточной политики и закрепление ее успехов, чтобы жизнь и потребности армян не становились вечной обменной монетой ради «высших», не имеющих к нам отношения интересов.

компетентная апологетика большевистских действий, идентифицирующая русские национальные интересы с интересами социалистической революции. В ней уделяется много внимания курсу Антанты и США, не отрицается, что предложенная в феврале 1918 г. помощь этого блока была отвергнута В. Лениным, потому что она ставила под угрозу успешную борьбу за власть²⁸. В книге есть Сиам и Греция, Бразилия²⁹ и Курляндия – вот только Армении в ней нет. Есть лишь полученные войной территории, снова отданные, чтобы обеспечить передышку. Автор справедливо подчеркивает ленинское понимание временного характера брестской сделки. Правда для армян, не имевших государственной организованности, эти потери имели иную тяжесть и последствия.

Оправдывая целесообразность договора как тяжелого бремени, А. Чубарьян логично не договаривает о русско-германском добавочном соглашении от 27 августа 1918 г.³⁰ и характере турецкого похода на Баку. В его трактовке, «прекращение войны сразу же и непосредственно отразилось бы на судьбах кавказских трудящихся»³¹. Естественно, но проблема состояла в том, что Брестский мир не прекращал войну, а принес Закавказью вражеский поход на Тифлис и захват Баку.

В плане регионального изучения темы приоритет принадлежит А. Эльчибекиану. Он констатировал, что декрет о «Турецкой Армении» невозможно было осуществить, что «требование турок признать договор еще не означало, что они сами собираются соблюдать его. ...Они зарились на все Закавказье»³². Автор верно отмечает, что Сейму «нужна была сила, чтобы заставить турецкое правительство согласиться с [его условиями]. Этой силы у раздираемого противоречиями закавказского антисоветского блока не было, что прекрасно знали [его] главари»³³. Заметим, что критика краевой независимости А. Эльчибекианом, Е. Саркисяном и А. Арутюняном справедлива в той части, в какой независимость не подкреплялась оборонными усилиями. Ведь первая функция независимого государства – это обеспечение жизни и безопасности граждан в своих границах.

А. П а н ц о в. Брестский мир.– «Вопросы истории», 1990, № 2, с. 60–79; И. К с е н о ф о н - т о в. Мир, которого хотели и который ненавидели. М., 1991; при крайней скудости документов и в рамках безоценочного объективизма: Р. К а з а н д ж я н, С. А з н а у р я н, Д. Г р и г о р я н. Некоторые аспекты рассмотрения армянского вопроса на переговорах в Брест-Литовске (1918 г.).– *Թյւրքիզիւնիւնի և օսմանիւնիւնի հետազոտութիւններ, հ.3, Երևան, 2 005, էջ 67*, С. А з н а у р я н. Армения во внешней политике РСФСР в 1917–1918 гг.– Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2007.

²⁸ А. Ч у б а р ь я н. Указ. раб., с. 179–183.

²⁹ Там же, с. 146.

³⁰ Там же, с. 189.

³¹ Там же, с. 239.

³² А. Э л ь ч и б е к я н. Установление Советской власти в Армении. М., 1954, с. 35, 40; см. также: Ե. Մ շ ր զ յ ի ն. Указ. раб., с. 14–15, аналогичная оценка декрета на с. 9–10.

³³ А. Э л ь ч и б е к я н. Великая октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. М., 1957, с. 56. Близкие оценки –Е. С а р к и с я н. Указ. раб., с. 324–327, 334–336, 339, 343–344; Մ. Հ ի ղ ի ղ յ ա ն. Указ. раб., с. 91, 149.

Рядом с упомянутыми изданиями стоят монографии Г. Галояна³⁴. К достоинствам его ранних книг относятся внимание к Апрельским тезисам (1917 г.) как к программному ленинскому документу; к факту изоляции Закавказья от основных событий наличием добровольческих сил А. Деникина; а также к соперничеству между Антантой и Четверным блоком за влияние на Кавказе. Уже в первой монографии Г. Галоян подметил, что с переходом Советской России к сотрудничеству с Германией, младотурки сразу начали маневры по сближению с англо-американским блоком. Вместе с тем, он неоправданно возлагает вину за развал Кавказского фронта на его кадровое командование, словно это оно боролось за смену власти в Санкт-Петербурге. Резонно критикуя антиармянский курс Закавказской федерации, он значительно преувеличивает ее возможности и меру влияния на события.

Заметим: при выходе на русско-турецкую границу 1914 г., османская армия получила 26 марта 1918 г. приказ Энвера перейти эту линию. 28 марта Закавказский комиссариат признал Брестский мир, что направляло военный поход по морю, в зону трех округов. Официально край объявит о своей независимости позже – 22 апреля. Но одного факта переговоров и заявлений о «нападениях армян» было достаточно, чтобы через 23 дня после подписания отбросить столь недолгое Брестское соглашение и двинуться на Олты, Кагызван и Ардвин. Как отклик, 13 апреля из Наркомата по иностранным делам РСФСР последовала нота протеста, в которой говорилось, что именно Германия настаивала на выводе русских войск, и теперь она обязана воздействовать на Турцию, чтобы предотвратить уничтожение мирного населения, как это произошло в Ардагане³⁵. Добавим, что в 1959–1999 гг. в монографиях Г. Галояна озвучены оценки в пользу армянской независимости, полезной в условиях революционного развала больших государств и коренных сдвигов в международных отношениях³⁶.

Яркий образец анализа реальной политики и силовой оценки региональных отношений представлен А. Арутюняном и Дж. Киракосяном³⁷. Второй из них отмечает, что, на деле, «младотурецкие главари одними из первых осуществили антисоветскую интервенцию». Приводя оценки Андраника Озаяна, Дж. Киракосян подчеркивает бесплодность курса на умиротворение в нашем регионе.

В плане предметного изучения и более четких современных оценок примечательны также книги Г. Аветисяна «Армянский вопрос в 1918 году» и «Брест - Литовск: как были отторгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум»³⁸.

---

³⁴ Г. Г а л о я н. Борьба за Советскую власть в Армении. М., 1957; о н ж е. Рабочее движение...; о н ж е. Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья (далее – Октябрьская революция). М., 1977; *Գ ւ շ լ ը յ ի ն*. Указ. раб.

³⁵ О н о т е: А. Э л ь ч и б е к я н. Великая октябрьская..., с. 59–60; Г. Г а л о я н. Борьба за Советскую власть..., с. 76.

³⁶ Г. Г а л о я н. Борьба за Советскую власть..., с. 93; о н ж е. Рабочее движение..., с. 199, 217, 227–228; о н ж е. Октябрьская революция, с. 35–36; *Գ ւ շ լ ը յ ի ն*. Указ. раб., с. 46–47; *Ա. Հ ի թ ը ի թ յ ը ի ն ի ն յ ի ն*. Указ. раб., с. 115.

³⁷ *Ա. Հ ի թ ը ի թ յ ը ի ն ի ն յ ի ն*. Указ. раб., с. 76, 93–94, 118; Дж. К и р а к о с я н. Указ. раб., с. 223–224, 226–229, цитата на с. 225.

Первая из них обоснованно утверждает, что вывод российских войск был чреват опасностью истребления, а сам факт подписания не защищал от возможного османского наступления³⁹. Заседания политических комиссий русской и турецкой делегаций, дополнительное русско-турецкое соглашение, тяжелейшие потери армянского народа и его противостояние смертельной опасности оставались вне освещения советскими историками⁴⁰.

Г. Аветисян отмечает преемственность Брестского перемирия от 2 декабря 1917 г., подписанного для всех фронтов, и последовавшего за ним перемирия в Ерзнке, принявшего все пункты советского документа⁴¹. Приводит напечатанное 12 декабря предостережение, что повод для внезапного нападения всегда можно придумать, вместе с указанием турецких притязаний на Александрополь⁴². Первый сигнал об опасности подал 10–11 ноября французский посол Ж. Нуланс, оценивший в разговоре с делегацией Петроградского армянского военного комиссариата в составе генерала Л. Тиграняна, подполковника Н. Мелик-Парсаданяна и представителя Армянского национального совета во Временном правительстве А. Завриева, что Россия оказалась в безнадёжном положении и армяне должны рассчитывать только на себя⁴³.

Далее в исследовании освещаются германо-турецкие переговоры 7–22 декабря 1917 г. И хотя сам Г. Аветисян акцентирует политическую роль младотурок, приводимые им данные свидетельствуют, что инициатива турецкого продвижения в Азии исходила из Берлина, где батумский порт считали возможной заменой потерянной Багдадской железной дороге. В итоге, на совещании у рейхсканцлера Г. Гертлинга от 7 декабря в Берлине звучит призыв Вильгельма II помочь туркам в Армении⁴⁴, а 20 декабря в ходе переговоров между двумя министрами иностранных дел Р. фон Кюльманом и Ахмедом Несими-беем в Берлине озвучили тезис о границе 1877 г. Заметим, что реакция Энвера была сдержаннее, и он, основываясь на заседании османского госсовета от 22 декабря, пока что поручал своему представителю в Брест-Литовске требовать часть Карсской области, то есть Карс с Ардаганом, и Батум⁴⁵.

Ситуация повторилась к 21–25 февраля, когда только после дополнительного письма Р. фон Кюльмана послу в Берлине Ибрагиму Хакки-паше о германской поддержке турецкого наступления, замминистра иностранных дел Халил-бей Ментеше вновь напомнил своему дипломату о части Карсской области и Батуме⁴⁶.

³⁸ Г. А в е т и с я н. Указ. раб.; Հ. Ա լ է տ ի յ յ ի ն. Указ. раб.

³⁹ Հ. Ա լ է տ ի յ յ ի ն. Указ. раб., с. 18, 41, 105; ранее: R. H o v a n n i s i a n. Указ. раб., с. 224

⁴⁰ Г. А в е т и с я н. Указ. раб., с. 3–5.

⁴¹ Հ. Ա լ է տ ի յ յ ի ն. Указ. раб., с. 28, 35.

⁴² Там же, с. 36.

⁴³ Там же, с. 39.

⁴⁴ Советско-германские отношения, с. 42, 326–327; Г. А в е т и с я н. Указ. раб., с. 7, 11–13, 23.

⁴⁵ Հ. Ա լ է տ ի յ յ ի ն. Указ. раб., с. 47–49; Г. А в е т и с я н. Указ. раб., с. 31–32.

⁴⁶ Հ. Ա լ է տ ի յ յ ի ն. Указ. раб., с. 80–81.

Декларативность и провал большевистской дипломатии при использовании лозунга самоопределения на переговорах в Бресте⁴⁷, первые жалобы на «агрессивных армян», озвученные 21 января османским военным аташе Ахмедом Иззетом-пашой по поручению его правительства в Брест-Литовске, а не на Кавказском фронте⁴⁸, как и освещение советско-германских переговоров лета 1918 г. тоже относятся к сильным сторонам монографии.

В целом, выводы Г. Аветисяна о том, что Брестский мир был капитуляцией и катастрофой в историко-дипломатическом плане, что интересы восточного региона снова подчинились решению проблем западных областей⁴⁹, убедительны и подтверждены множеством фактов. Османская делегация в Трапезунде аккуратно втягивала закавказскую сторону в независимость, в обмен на отдельный, двусторонний мир⁵⁰. Откликаясь на эту возможность, 20 марта, на IV заседании этой же конференции, А. Чхенкели настаивал на пересмотре брестских условий⁵¹, вот только вектор ожидаемых изменений был кардинально разным для двух сторон. Прошел месяц, и уже на второй день после сдачи Карса, делегация Армянского национального совета в Берлине в меморандуме от 27 апреля просила рейхстаг, чтобы Турция не нарушала оговоренную Брест-Литовском пограничную межу⁵².

Это не помогло, и весь июнь Энвер настаивал на армяно-турецкой конфедерации, а Германия – на армяно-грузинском союзе. 1 июля, в Берлине, армянские делегаты узнали на встрече с советским полпредом А. Иоффе, что Закавказье поделено на германскую (Грузия) и советскую (Армения с Азербайджаном) зоны влияния, причем именно Германия гарантирует соблюдение Турцией брестских условий в советской зоне, как и сохранение Армении и Азербайджана с Баку в пределах РСФСР. В этот день и 16 июля, А. Иоффе дважды и подробно изложил А. Оганджянину и А. Зурабяну положения будущего секретного германо-советского договора от 27 августа⁵³. Затем он передал представителям правительства РА текст добавочных условий, пересланный ими 5 сентября делегации Армянского национального совета в Константинополе⁵⁴.

Как известно, 6 сентября Талаат узнал о добавочном договоре, и уже после падения Баку – 23 сентября ответил секретным берлинским протоколом, который подписал

⁴⁷ Там же, с. 50–51; Г . А в е т и с я н . Указ. раб., с. 14–15.

⁴⁸ Первые письма командующего Восточным фронтом Вехиба-паши командующим Кавказской армией И. Одишелидзе и Кавказским фронтом М. Пржевальскому были получены 31 января и 14 февраля 1918 г., 12 и 14 февраля последовали ответы. Во втором из них главнокомандующий Кавказским фронтом Е. Лебединский телеграфировал о беспочвенности нападок и о том, что османская армия занимается подготовкой и обоснованием нового нападения.

⁴⁹ Հ. Ա լ է տ ի յ յ ի . Указ. раб., с. 103–105; Г . А в е т и с я н . Указ. раб., с. 33, 42, 64, 69–70.

⁵⁰ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 9, л. 165 об., 166 об., 167 об.

⁵¹ Там же, л. 167, 168.

⁵² Հ. Ա լ է տ ի յ յ ի . Указ. раб., с. 179–180.

⁵³ Там же, с. 276–278; НАА, ф. 200, оп. 1, д. 656, л. 64, 109 об., 168.

⁵⁴ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 80, л. 76; см. также л. 28.

вместе с министром иностранных дел П. фон Гинце. Этот документ извещал об «уступке», потому что османская сторона принимала бессрочный вывод ее войск из Армении, исключая железную дорогу Александрополь–Джульфа, а также из Азербайджана. За это Германия усиливала османский флот в Черном море, а Турция могла создавать государства на Северном Кавказе и в Туркестане, заниматься Крымом и российскими мусульманами. А. Оганджян оптимистично оценивал августовское русско-германское соглашение. В его интересном анализе о невыгодности независимости для Республики Армения отсутствует простая мысль: Германия подписала договор с Россией не для того, чтобы его выполнять, а чтобы получить еще больше уступок от Турции⁵⁵.

Так формировалось острое германо-турецкое столкновение за регион, от нефти которого не отказывалась и Советская Россия. Именно поэтому нотой наркома по иностранным делам Г. Чичерина от 20 сентября РСФСР вынуждена была признать: в результате «ужасающего разгрома одного из важнейших городов» края, «Брест-Литовский договор между Россией и Турцией уже не существует»⁵⁶. Затем ноту смягчили, а позднее – 13 ноября – последовало заключительное постановление ВЦИК о полном аннулировании этого кровавого пакта. Но практически сразу после захвата Баку и резни 30 тысяч армян этого промышленного центра, советская власть признала несостоятельность брест-литовской эпопеи.

Одним из исследований современного периода является защищенная в 2004 г. в Санкт-Петербурге кандидатская диссертация Н. Есаян. В ней автор резонно указывает, что политика Советской России приносила в жертву интересы армянского народа ради обострения гражданской войны и интернационализации революционных процессов. Сначала советское правительство уходило из Закавказья в ущерб безопасности грузин и армян, а потом оно возвращалось в наш регион, с его сырьем и важными дорогами на Тавриз и Эрзерум, чтобы вытеснить из него Антанту. Для укрепления своих позиций, советское правительство, провозглашая популярные в народе лозунги, использовало любые методы, «даже в ущерб национальным интересам коренных жителей»⁵⁷ этого края – приводит она оценку И. Сталина.

Н. Есаян разделяет подходы и оценки историков Республики Армения, особенно Г. Аветисяна. Как и мы, она обоснованно пишет, что турецкая дипломатия успешно переиграла советские власти, сумев «без помощи оружия решить вопросы территориальных приобретений, которых Турция не могла добиться в ходе военных действий»⁵⁸. А главной причиной уступчивости было желание «сохранить советскую

⁵⁵ R. H o v a n n i s i a n. Указ. раб., с. 224–225; Армянский вопрос и геноцид армян, л. 582–584; Հ. Ա Վ հ ա ղ ա ղ ի ղ ի ղ ի. Указ. раб., с. 400; НАА, ф. 200, оп. 1, д. 80, л. 40–41 (письмо А. Оганджяна).

⁵⁶ Документы внешней политики СССР, с. 492.

⁵⁷ «Правда» (Москва), 30. XI. 1920. Цит. по: Н. Е с а я н. Брестский договор (1918 г.) и его последствия для армянского народа в борьбе за национальное единство.– Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2004, с. 4–5.

⁵⁸ Н. Е с а я н. Брест-Литовские переговоры (1918 г.). Отторжение от России закавказских территорий: к истории вопроса. СПб., 2004, с. 8–9.

власть и решить проблему западных областей»⁵⁹. Она показывает, как опасны турецкие переговоры, не обеспеченные достаточной обороной. Сначала от Закавказья одновременно потребовали как отделения, так и подчинения русско-турецкому соглашению, а потом ему вменили в вину недостаточную покорность и навязанную независимость, продолжая наступать во имя дальнейших османских военно-стратегических интересов. При этом, для Закавказской федерации *были невыгодны оба варианта*, а самостоятельность слов без оборонной активности гарантировала лишь новые потери, особенно учитывая последовательность и долговременность кризисной политики в турецком исполнении⁶⁰.

Ее коллега Т. Саакян заслуженно резко порицает брестскую сделку и закавказское «единство» в книге «Болезненные договоры». При акценте на германо-большевистском сотрудничестве, данный автор грешит вторичностью и слабостью источниковедческой базы, абсолютизацией внешнего фактора как причины Октября, целым рядом некорректных формулировок. Т. Саакян справедливо оплакивает огромные потери армянского народа, связанные с тем, что успехи русской Восточной политики обменивались на хорошие отношения с Западом⁶¹. Вместе с тем, он игнорирует, что конкретно Карсская область была возвращена 19 апреля 1919 г. Республике Армении, а затем повторно потеряна 30 октября 1920 г.⁶² Он пытается диктовать русскому обществу, почему ему не следовало прибегать к социальным изменениям, вместо того, чтобы понять, по каким причинам произошла катастрофа гражданской войны.

Что касается зарубежного арменоведения, то бесспорный приоритет в подробном описании истории Республики Армении 1918–1920 гг. принадлежит Р. Ованнисяну. В его монографии «Армения на пути независимости, 1918 г.» отмечено, что «весомая дипломатическая победа» турок в Брест-Литовске, выполнение Закавказьем всех его условий и неудовлетворительная политика лишённого реальной независимости краевого Сейма привели к еще большим потерям, которых, как считает автор, можно было избежать немедленной капитуляцией⁶³. Он разделяет оценку из меморандума А. Оганджяна Совнаркому РСФСР от 8 августа 1918 г. о том, что под разговоры о самоопределении Брестский мир предал Турецкую Армению и покинул Карс, Ардаган и Батум, а обязательство распустить армянские военные части подрывало общественные усилия по самообороне. В этом контексте, признание Советской властью Республики Армения стало бы хоть отдаленным откликом на ее декрет о «Турецкой Армении» и провозглашенную национальную политику. Что касается османской стороны, то сентябрьский захват Баку, с его резней в армянской части города стал наглядным и вопиющим нарушением заключенного договора⁶⁴. На далеко идущие планы и несоб-

⁵⁹ Там же, с. 18. См. также: с. 27, 29.

⁶⁰ См.: Н. Е с а я н. Московский и Карский договоры 1921 г.: политика территориальных уступок Советского правительства в Закавказье. СПб., 2004, с. 7, 11, 14–15, 18, 45, 59. См. также: НАА, ф. 200, оп. 1, д. 656, л. 118, 144.

⁶¹ *S. U w h w h j w h. Յափախի ցայտնանքեր, Երևան, 2007, էջ 43:*

⁶² Там же, с. 55, 97.

⁶³ R. O v a n n i s i a n. Указ. раб., с. 134, 151, 156, 161 – 163, 169.

⁶⁴ Там же, с. 219, 227, 244.

людение турецкой стороной принятых на себя обязательств указывается также в статье профессора Калифорнийского университета Девиса А. Енгояна⁶⁵.

Из всего изложенного можно сделать вывод: армянская историография проявляет преемственность, освещая тяжелые потери, связанные с Брестским миром, анализируя политические особенности революционной ситуации в Закавказье в условиях Первой мировой войны и стараясь понять, что необходимо для обеспечения национальной жизни, развития и благополучия в нашем нестабильном и сложном регионе.

1918 Թ. ԲՐԵՆՍԻ ՀԱՇՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑՆԵՐԻ
ԵՎ ՀԱՅ ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԳՆԱՀԱՏՄԱՄԲ

ԳԱՅԱՆԵ ՄԱԽՄՈՒՐԻԱՆ

Ա մ փ ն փ ու մ

Ինչպես ժամանակի ամերիկյան, այնպես էլ Անտանտի դիվանագետները զգուշորեն էին գնահատում 1918 թ. մարտի 3-ին Բրեստի հաշտություն կնքելու փաստը՝ այն ընկալելով որպես պահի անհրաժեշտություն: Ն. Արնոլդից սկսած՝ հայ պատմագիտությունը՝ ի դեմս Հ. Էլ-ժիրենկյանի, Գ. Գալոյանի, Ե. Սարգսյանի, Ա. Հարությունյանի, Ջ. Կիրակոսյանի, Ա. Պողոսյանի, Հ. Ավետիսյանի, Տ. Սահակյանի, Ն. Եսայանի, Ա. Չուբարյանի, Ռ. Հովհաննիսյանի և Ա. Ենգոյանի, XX դարի կեսերից այն որակելով որպես սոցիալիստական հեղափոխության համար անհրաժեշտ քայլ, այդ փաստաթուղթը հետևողականորեն գնահատում է որպես հայերի ազգային շահերի ոտնահարում: Ուժով չամրագրված այս պայմանագիրը չէր հարգվում Օսմանյան Թուրքիայի կողմից, հեշտացրել էր նրա ռազմական առաջխաղացումն Անդրկովկասում, մասնակի զիջումների սին հույսեր էր ներշնչում ու էլ ավելի էր թուլացնում հայերի ինքնապաշտպանական ճիգերը:

EVALUATION OF THE 1918 BREST TREATY BY CONTEMPORARIES
AND BY THE ARMENIAN HISTORIOGRAPHY

GAYANE MAKHMOURIAN

S u m m a r y

Both American and the Entente diplomats of the time cautiously appraised the Treaty of Brest-Litovsk, signed on March 3, 1918, as a bare necessity of the moment. Beginning with N. Adontz, Armenian historical discipline, represented by H. Elchibekyan, G. Galoyan, Ye. Sargsian, A. Haroutyunyan, J. Kirakossian, A. Poghosian, H. Avetisian, T. Sahakyan, N. Yesayan, A. Chubarian, R. Hovannisian and A. Yengoyan, from the middle of the 20th century on defined it as a coerced move and indispensable condition to preserve the socialist revolution. Simultaneously, historians consecutively assess this document as a grievous violation of the Armenian national interests. Devoid of material reinforcement, this agreement had not been respected by the Ottoman Turkey, so this deed facilitated Turkish offensive and military expansion throughout whole Transcaucasia, inspired false expectancies that partial assignments could stave off danger, and thus still more impaired self-defensive energies of Armenians.

⁶⁵ A. Y e n g o y a n. “No War – No Peace”: The Treaty of Brest-Litovsk. – “Armenian Review”, 2010, vol. 52, № 1–2, p. 38.